

Сюй Чэньтин поднял взгляд на Фу Боюня, надув щёки, и неторопливо пережевывал пищу. На его лице не читалось лишних эмоций, он молчал.

— Ты еще не отправил мне местоположение.

Вдруг осенило Фу Боюня, и он сам поспешил объясниться.

Не то чтобы он не хотел сказать, просто он действительно не знал.

К тому же он не боялся Сюй Чэньтина, просто раз уж пообещал, то не намерен был относиться к этому спустя рукава.

— А, — Сюй Чэньтин кивнул, показывая, что понял.

Он на самом деле не требовал, чтобы Фу Боюнь отчитывался перед ним в каждом шаге, но, увидев, как тот важно произнес те слова, ему захотелось немного проучить его.

В этом вопросе он всё держал под контролем.

Стоявший рядом дворецкий, дядя Линь, с трудом скрывал удивление. Когда он видел, чтобы их молодой господин объяснял кому-то свои действия или оглядывался на чужое мнение?

Этот юный господин, хоть и выглядел совсем юным, в каждом жесте проявлял благородство.

Красивый, с хорошим характером, вежливый в общении, он не чванился, несмотря на явное расположение к себе.

Это был первый раз, когда их молодой господин привел кого-то домой.

Сначала думали, что это просто мимолетная прихоть, но судя по поведению господина сегодня, этот юноша, возможно, станет в будущем еще одним хозяином дома.

После обеда Сюй Чэньтин лениво развалился на диване и играл в телефон.

— Братец, сколько ты заплатил за меня?

В прошлой жизни он даже не видел и тени этих денег.

Он вернулся в прошлое слишком поздно и не смог предотвратить трагедию, когда его родной отец, подмешав ему наркотик, отправил на аукцион в Запретной зоне.

К счастью, в обеих жизнях его забрал домой именно Фу Боюнь.

Фу Боюнь был лучом света, осветившим его темную жизнь. В прошлой жизни он был слеп, но в этой готов был следовать за этим светом, не отступая ни на шаг.

Фу Боюнь небрежно ответил:

— Сто миллионов.

— Сколько? — Сюй Чэньтин усомнился в своем слухе и переспросил.

— Сто миллионов, — повторил Фу Боюнь.

— В деловых кругах говорят, что у тебя острый взгляд, ты умеешь вкладывать деньги. Неужели

ты не считаешь, что потратить сто миллионов на меня — это убыток?

Как ни крути, это выглядело как убыток. Сто миллионов! Он не считал себя настолько ценным.

— Не убыток. Ведь у нас с тобой есть проекты на несколько сотен миллионов.

Фу Боюнь произнес это с серьезным и важным видом.

— А? Какие проекты на сотни миллионов?

Сюй Чэньтин с недоумением взглянул на Фу Боюня, но затем, осознав смысл его слов, почувствовал, как лицо его загорается, а кончики ушей покрываются румянцем.

«Грязный извращенец!»

Серьезно вести двусмысленные разговоры — это что-то с чем-то.

— Ты уже отдал им эти сто миллионов?

Сюй Чэньтин нахмурился, во взгляде читалась злость. Черт возьми, это же сто миллионов! Как можно было просто так отдать их семье Сюй?

Вспомнив об этом, он почувствовал острую боль. Эти подонки, они этого не заслуживают!

— Еще нет, — ответил Фу Боюнь.

«Фух, хорошо, что еще не отдал», — с облегчением выдохнул про себя Сюй Чэньтин.

Пока деньги не поступили на счет семьи Сюй, всё еще могло измениться.

Это отличалось от прошлой жизни. Возможно, из-за того, что он переродился, некоторые события тоже изменились, вызвав эффект бабочки?

Но, с другой стороны, если эти сто миллионов еще не отданы, то...

Сюй Чэньтин приподнял бровь и посмотрел на него с глубоким подтекстом:

— Значит, халява?

Фу Боюнь промолчал.

— Я не... этого не делал... Не говори ерунды, — Фу Боюнь трижды отрицал.

Сюй Чэньтин повернулся и прислонился к спинке дивана, глядя на Фу Боюня и ожидая объяснений.

Фу Боюнь по-прежнему сидел прямо, локти расслабленно лежали на коленях, он повернул голову к Сюй Чэнтину:

— Я думаю...

— Это деньги, за которые я выкупил тебя, так что они, конечно, должны достаться тебе.

— Ээ?

Такая удача сваливается?

Сюй Чэньтин с трудом мог в это поверить. Неужели эти сто миллионов переведут прямо на его счет?

— Если бы я провел денежную сделку с кем-то другим, это считалось бы торговлей людьми, что является преступлением, — с серьезным видом заключил Фу Боюнь, квалифицируя свои действия.

Запретная зона называлась так именно потому, что в ней было слишком много темных, неприглядных вещей.

Кроме того, личность владельца аукциона была сложна, у него были мощные связи, и тронуть его было непросто.

Правила аукциона были строгими: чтобы попасть в Запретную зону, нужно было иметь специальное приглашение, при этом у всех изымали средства связи и записывающие устройства, чтобы ситуация в Запретной зоне не просочилась наружу в виде фотографий или видео.

Сделки были анонимными: можно было узнать, за какую сумму лот был продан, но невозможно было узнать, кто именно его купил.

Всё это делалось ради безопасности всех участников: чем меньше знаешь, тем безопаснее.

Даже если бы кто-то захотел донести, это были бы голословные утверждения.

Именно поэтому Запретная зона существовала так долго и ее еще не удалось ликвидировать.

Сюй Чэньтин потянул за край одежды Фу Боюня и тихо произнес:

— В Запретную зону попадают только плохие люди.

— Только в этот раз.

Фу Боюнь посмотрел на Сюй Чэньтина. Эти слова звучали как объяснение и одновременно как обещание.

— Значит, ты специально пошел за мной? Почему?

Он знал, что занимает особое место в сердце Фу Боюня, но никогда не понимал, почему.

Фу Боюнь промолчал, не подтверждая и не отрицая слова Сюй Чэньтина.

— Тогда другой вопрос. Ты не купил меня на аукционе по высокой цене, но и не заплатил, так на каком основании ты забрал меня, этот «лот»?

Как это работало посередине?

Фу Боюнь опустил взгляд, его тонкие длинные пальцы поправили манжету, а наклон головы и опущенные глаза излучали холодное и благородное дыхание.

Уголок губ Фу Боюня слегка тронулся:

— На том основании, что я Фу Боюнь.

Сюй Чэньтин улыбнулся. Чувствовался настоящий стиль главы корпорации.

У Фу Боюня действительно был капитал на такую наглость.

— Подожди меня немного.

С этими словами Фу Боюнь встал и поднялся вверх. Когда он спустился, в его руке была карта.

— Здесь сто миллионов.

Фу Боюнь положил карту в руку Сюй Чэньтина:

— Что планируешь делать с ними? Говорят, у семьи Сюй есть проект, у которого оборвалась финансовая цепочка. Если они не смогут быстро закрыть дыру, до банкротства недалеко.

— Ну и что?

Сюй Чэньтин вертел карту в руках, на лице читалось пренебрежение и насмешка.

Ведь именно из-за нехватки денег они вспомнили о своем незаметном сыне, решив продать его, чтобы закрыть финансовую яму компании. Разве это поступок человека?

— Я думаю, что мне не светит наследовать семейный бизнес, так что финансовый кризис корпорации Сюй, даже если они обанкротятся, меня не касается.

Сюй Чэньтин держал карту двумя пальцами, тыльной стороной руки подперев подбородок, и небрежно произнес:

— Мои деньги, вырученные за продажу себя, с какой стати я буду использовать их, чтобы закапывать их ямы? Мечтать не вредно!

— Угу.

Фу Боюнь поднял руку и погладил его по волосам, имея в виду:

— Учись думать больше о себе. Даже если ты будешь хорошо относиться к другим, они не обязательно будут тебе благодарны.

Спина Сюй Чэньтина покрылась мурашками, рука, лежавшая на диване, начала непроизвольно дрожать, а в сердце поднялась горькая, невыразимая тоска.

В прошлой жизни всё было именно так. Фу Боюнь относился к нему так хорошо, а он не только не был благодарен, но и считал его врагом.

«Прости».

Он действительно потерял рассудок и не умел ценить добро.

— Что случилось? Снова хочешь плакать?

Фу Боюнь первым делом заметил перемену в Сюй Чэнтине, явно чувствуя его подавленность, и

немного заволновался.

— Нельзя рассказывать тебе большие истины, что ли?

Фу Боюнь нахмурился и недовольно произнес:

— Правильно, слишком нежный.

В следующую секунду он сжал дрожащую руку Сюй Чэньтина и притянул человека к себе, мягко похлопывая по спине, успокаивая его:

— Извини. Если не хочешь слушать, я не буду говорить.

Лицо Сюй Чэньтина лежало на плече Фу Боюня, и, услышав его извинения, его настроение стало еще хуже. Говоря у него на ухо, он сердито и с досадой произнес:

— Зачем ты извиняешься? Тебе самому стоит быть умнее, не думай только о других, подумай и о себе немного.

Фу Боюнь замер, не ожидая, что причина недовольства парня — это забота о нем.

— Угу.

Уголок губ Фу Боюня тронулся, настроение значительно улучшилось, и в душе он добавил: «Я не думаю о других, хочу думать только о тебе».

Волнение в сердце Сюй Чэньтина медленно улеглось.

Он переродился, и то, что случилось в прошлом, больше не повторится.

[Уведомление в WeChat]

Фу Боюнь протянул руку и взял телефон с журнального столика перед собой. Взглянув на содержание, он произнес вслух:

— Цзян Хуайчу пригласил меня сегодня вечером на восемь тридцать в павильон Линьдун, говорит, хочет отпраздновать какое-то радостное событие.

— Цзян Хуайчу это мой...

Фу Боюнь подумал, что Сюй Чэньтин не знает, кто такой Цзян Хуайчу, и собирался кратко представить его, но Сюй Чэньтин перебил его.

<http://bllate.org/book/16438/1490047>